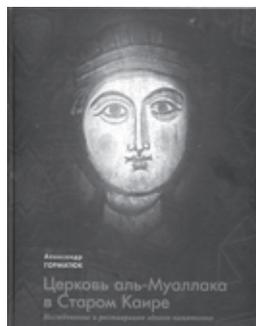

Горматюк А.А.

**Церковь аль-Муаллака
в Старом Каире. Исследование
и реставрация одного памятника**

При участии Е.Г. Толмачевой

М.: Издание ВХНРЦ, ЦЕИ РАН, 2013

Татьяна Стародуб

В конце 2013 года вышла в свет книга, которая не может остаться незамеченной по нескольким причинам. Во-первых, тему монографии составляет необычный памятник малоизученной церковной архитектуры коптов. Это старая каирская церковь, точнее, многовековой храмовый ансамбль Ситт Марьям, то есть посвященный Святой Марии, или Пресвятой Богоматери, но более известный как аль-Муаллака – то есть Подвешенная. Такое название порождено расположением ансамбля на и между башнями римской крепости Вавилон, с которой, по сути, начинается история средневекового Каира. Во-вторых, эта книга – плод совмещения полевых и кабинетных исследований, пример редкого для отечественной науки комплексного изучения зарубежного объекта объединенными усилиями реставраторов и ученых Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И.Э. Грабаря (ВХНРЦ) и Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН), а также сотрудников Высшего совета по древностям Арабской Республики Египет (АРЕ). Как отметили в предваряющих книгу приветствиях министры иностранных дел Российской Федерации и АРЕ, появление этой публикации было приурочено к семидесятилетию установления дипломатических отношений между Россией и Египтом.

В отечественной науке разработки в области искусства коптов до недавнего времени в основном ограничивались изучением коллекций коптских тканей в российских музеях. Эти замечательные собрания послужили источником и основой отечественного изучения истории религии, материальной и художественной культуры коптов, проблем коптской иконографии, интерпретации изображений, орнаментальных мотивов и композиций¹.

В последние десятилетия во всем мире интерес к коптской теме заметно возрос. Появились научные и общественные центры, целью которых являются археологические и документальные исследования, изучение архитектурных памятников и художественных коллекций, широкий обмен информацией и публикация научных работ, чему способствуют электронная *Encyclopedia Coptica* и специализированные журналы, охватывающие различные стороны коптской религии, языка и культуры.

В Египте тоже стали уделять больше внимания культурному наследию коптов, привлекая к поискам, изучению и восстановлению памятников материальной и художественной культуры специалистов из разных стран. С конца 1990-х годов, как поясняют в аннотации к монографии и Г.А. Белова – директор ЦЕИ РАН, и А.Н. Лесовой – генеральный директор ВХРЦ, сотрудники этих двух российских организаций успешно участвовали в осуществлении международного проекта по изучению и реставрации коптских икон и в восстановлении *in situ* находок археологических экспедиций в Мемфисе, Файюме и Луксоре. Результаты этих работ были высоко оценены экспертами Высшего совета по древностям АРЕ, и в 2003 году российские реставраторы и египтологи выиграли международный конкурс на восстановление древней церкви аль-Муаллака. Работы велись в 2004–2008 годах; наряду с возвращением этому ключевому для культуры коптов памятнику былого облика проводились историко-культурные, археологические и палеографические исследования.

Рецензируемая книга – результат напряженного труда большого коллектива реставраторов, историков, эпиграфистов, переводчиков и плод усилий основного автора текста, исполнителя исключительных по своей научной ценности фотографий Александра Анатольевича Горматюка – ведущего художника-реставратора и искусствоведа, руководителя комплексной реставрации памятника в целом.

Не будет преувеличением сказать, что эта необычная публикация – интересная, насыщенного содержания книга. В ней предпринята попытка исторического анализа условий возникновения и бытования на протяжении столетий коптского культового комплекса с подробным описанием особенностей архитектуры и оформления зданий Малой и Большой церкви, монументальной живописи и храмовой коллекции икон. Предлагаемое вниманию специалистов и заинтересованного читателя совместное издание ВХРЦ и ЦЕИ РАН не просто расширяет и развивает корпус литературы о церковном и художественном наследии коптов. Особенно важно то, что опубликованная и богато иллюстрированная публикация церкви аль-Муаллака как художественного и культурно-исторического памятника делает доступным материал, необходимый и для изучения малоизвестной истории собственно коптского зодчества и живописи, и для выявления контактов и взаимодействий

коптского искусства с предшествующими и современными ему культурами Средиземноморья и исламского мира.

Для историков архитектуры, изобразительного и декоративного искусства эпохи Омейядов и ранних Аббасидов – мусульманских правителей, которые, если верить свидетельствам некоторых средневековых авторов, привлекали к строительству и декоративному оформлению государственных культовых и дворцовых зданий мастеров из «дней невежества», или иноверцев, такое исследование способствует выделению собственно коптского компонента как одной из важнейших составляющих художественной культуры Арабского халифата.

Причина особого значения церкви аль-Муаллака как художественного памятника заключается, с одной стороны, в ее необычно длительном для культового сооружения активном существовании, продолжающемся и сегодня, с другой – в исторических обстоятельствах ее строительства и бытования, определяющих трудности понимания и изучения специфики архитектуры и, в еще большей степени, орнаментального декора.

Если знаменитые шедевры раннеисламской архитектуры – Купол Скалы в Иерусалиме и Большая мечеть Омейядов в Дамаске – создавались неизвестными (по конфессиональной и этнической принадлежности) мастерами для мусульман в немусульманском (в тот период) окружении, то коптская церковь аль-Муаллака была воздвигнута христианами-коптами для коптов в нехристианском мире. Более того, этот церковный комплекс, посвященный Богородице, один из наиболее интересных памятников христианской культовой архитектуры в нехристианском окружении, сложился и действовал в одном из важнейших религиозных, культурных и политических центров раннесредневекового и средневекового исламского мира – Каире.

Именно этот исторический казус, по-видимому, подсказал А.А. Горматюку необходимость вводной главы, названной им «Историко-культурные предпосылки формирования памятника». Ее содержание явно направлено на то, чтобы познакомить читателя с историей и особенностями художественной культуры древнего, коптского, но в наибольшей степени, мусульманского Египта.

Закономерно встает вопрос об оправданности такого Введения. С одной стороны, вводной главе предпослано Предисловие, автор которого, Антон Анатольевич Войтенко², исследующий вопросы истории раннего христианства в Египте и коптской иконографии, кратко, но последовательно объясняет, кто такие копты, какими особенностями отличается их культура и религия, через какие исторические этапы пришлось им пройти и как развивались отношения коптов с другими христианскими общинами и с мусульманами. С другой стороны, за Введением следует первая глава – «История церкви аль-Муаллака, ее строительства и реконструкций». Глава написана увлекательно, с

профессиональным подходом историка к сложным проблемам возникновения и существования памятника, с привлечением сведений, почерпнутых у древних авторов, и с приведением различных позиций и взглядов археологов и историков, изучавших церковь аль-Муаллака и крепость Вавилон в прошлом и настоящем. Эта глава написана при участии Елены Геннадьевны Толмачевой, египтолога, специализирующегося на изучении коптской культуры и проблем реставрации коптских икон и тканей³. Таким образом, Введение оказывается как бы в обрамлении двух очерков и повторяет профессионально изложенные в них факты предыстории и истории формирования памятника, но не включает историографического раздела. Между тем глава или раздел, в котором бы излагалась история изучения памятника в контексте изучения коптского искусства, необходим. Вместо этого автор излишне подробно пытается осветить вопросы исламского искусства и эстетики.

Сама по себе мысль о включении очерка, кратко (без углубления в основы исламоведения) характеризующего особенности художественной культуры исламского мира, заслуживает одобрения. Однако то, что А.А. Горматюк, не будучи специалистом в области истории культуры и искусства Ближнего Востока, взял этот труд на себя, было ошибкой. Для Введения в такое серьезное и кропотливое комплексное исследование, каковым бесспорно является эта монография, следовало пригласить профессионала, что обычно и делается в тех случаях, когда исследуемый памятник погружен в сложный историко-культурный контекст. Это помогло бы избежать многих досадных неточностей и недоразумений, как то: ошибочной трактовки того, что автор называет «исламской эстетикой»; неверного обозначения Купола Скалы в Иерусалиме как «мечети Омара», в действительности – совсем не мечети, но одной из трех важнейших мусульманских святынь; названия стиля Самарры – временной столицы Аббасидов в IX в. – самаррийской традицией, вместо саммарской); ошибок в трактовке исторического и художественного процесса. Вероятно, удалось бы полнее и конкретнее раскрыть и заданную самим автором тему: «Историко-культурные предпосылки формирования памятника», которые остаются довольно туманными. К сожалению, приходится отметить и объясняемое неопытностью реставратора-практика в работе с научным материалом некорректное цитирование Корана (искажение фразы, отсутствие ссылки на публикацию и автора перевода), путаницу в передаче прямых и косвенных цитат (две из них, на с. 31 и 107, приписаны не тому автору). Порой недостает ссылок на источники примечаний, перенесенных из других изданий, иногда отсутствуют указания на авторов некоторых приведенных концепций, мнений. Все это частности. Серьезнее некоторые ошибочные утверждения, например, что «проблема исламского искусства заключается в его неконкретности», которую, по-видимому, автор спутал с абстрактностью как одной из категорий исламского

искусства, или что определения «исламский» и «мусульманский» – синонимы. Первое – понятие цивилизационное, второе – сугубо религиозное, поэтому употреблять эти термины как синонимы неверно. Для самих мусульман проблемы дефиниции этих терминов, как и определения исламского искусства в целом, не существует, поскольку в исламе нет разделения на Божье и кесарево – религиозное и светское. Все виды интеллектуальной и художественной деятельности человека в исламском мире, независимо от конфессиональной принадлежности исполнителя, охватываются одним определением – «исламский». В арабском языке прилагательное «мусульманский» отсутствует, как и слово «мусульманство» – изобретение европейских языков, производное от арабского «мусульманин», которое характеризует религиозную принадлежность. Это разъяснение двойной терминологии, сложившейся и вошедшей в употребление в европейской культуре, дала носитель и исследователь исламской культуры историк искусства Виждан Али (Иордания) в брошюре «Что такое исламское искусство?»⁴. Не только в раннем, но и в зрелом, утвердившемся исламе известны случаи привлечения к строительству и созданию художественных произведений наряду с мусульманами мастеров не-мусульман.

Сомнения и вопросы вызывают и некоторые положения Первой главы, написанной совместно А.А. Горматюком и Е.Г. Толмачевой. Так, кажется излишне категоричным тезис о конце независимости Египта с победой римлян. Как в таком случае следует классифицировать эллинистический период в истории этой страны? Можно ли назвать Египет эпохи Александра Македонского и Птолемеев независимым, если коренное население, особенно «в глубинке», за пределами столичной Александрии, относилось к греко-македонянам как к завоевателям?

В той же главе характеристика фатимидского халифа аль-Хакима (правил в 996–1021), загадочной фигуры в истории ислама, дана излишне тенденциозно и прямолинейно, по-видимому, по материалам, которые основываются на враждебных этому халифу источниках. В действительности, аль-Хаким, который оказался на вершине власти одиннадцатилетним мальчиком и неожиданно исчез на тридцать третьем году жизни, представляется личностью далеко не однозначной и не столь категорически отрицательной. Например, именно ему фатимидский Египет обязан созданием «Дома мудрости» – исмаилитского теологического, но и научного, библиотечного и образовательного центра, где некоторое время преподавали и сунниты. Источники сообщают об интересе аль-Хакима то к коптской церкви, то к иудаизму, то к мистицизму. Он известен покровительством наукам и искусству; по его инициативе был возведен один из программных памятников исламской архитектуры – Большая мечеть аль-Хакима в Каире.

Из-за того, что коптский храмовый комплекс рассматривается в большей степени в контексте истории мусульманского Египта,

художественной культуры ислама, собственно коптская культура и искусство, особенно во Введении, представлены далеко не достаточно. Между тем именно аль-Муаллака, как справедливо сказано в заключении, отражает всю историю Коптской церкви; ее исследования и реставрация открывают (как явствует из монографии) уникальные возможности изучения коптской архитектуры, церковной живописи и, в целом, всей культуры коптов с доисламского времени и (поскольку это действующий храм) до наших дней.

В последующих пяти главах подробно рассматриваются архитектурные особенности зданий храмового комплекса, их орнаментальное и эпиграфическое оформление.

Отдельная (третья) глава уделена настенным росписям, изучение и реставрация которых не только занимает особое место в восстановлении церкви аль-Муаллака, но имеет огромное значение для исследования коптского искусства в целом. Это поистине уникальные, восхищающие красотой рисунка и цветовых решений произведения церковной живописи, иконографически и стилистически связанные с историей Коптской церкви и коптского Египта.

Значение настенных росписей церкви аль-Муаллака трудно переоценить. В них, порой неожиданно, обнаруживаются истоки некоторых технических и стилистических приемов, которые с различными вариантами применялись в средневековой расписной керамике Египта эпохи Фатимидов, сельджукского Ирана и Анатолии, в росписях наборного деревянного потолка Капеллы Палатина в Палермо (XII в.), в книжной миниатюре Ирака, Сирии, Джазиры и Египта XIII–XIV веков.

Не менее увлекательна четвертая глава, в которой рассматриваются иконы церкви аль-Муаллака. Особенно интересны коптские иконы, отличающиеся не только местной иконографией, особым, с очарованием народных интонаций, стилем, но и специфическим соединением в одном живописном поле надписей на разных языках, выполненных соответственно различной графикой.

В этой связи хотелось бы отметить нелегкий труд эпиграфистов-переводчиков – И.Ю. Мирошникова, Т.К. Кораева и Д.А. Морозова, которые разобрали, прочитали и перевели греческие, коптские и арабские надписи на росписях и иконах. В приложении к конкретным памятникам настенной живописи и иконописи эти тексты и их переводы составляют ценнейший научный материал.

Ярко, с профессиональной убедительностью написаны разделы, касающиеся истории и технологии реставрации живописи, компонентов внутреннего церковного убранства и храмового комплекса в целом.

Специальный раздел посвящен истории создания в одном из помещений церкви Коптского музея; с его организацией и собранными в нем уникальными коллекциями неразрывно связано систематическое изучение коптского искусства.

Остается добавить, что книга, насчитывающая 335 страниц, красиво издана, снабжена картами и планами (в том числе историческими) и, как уже отмечалось, богато иллюстрирована превосходными авторскими фотографиями. Ее научный аппарат составляют развернутые примечания и обширная библиография на русском и европейских языках. Монография представляет собой важный, многотрудный и поучительный опыт комплексного научного исследования и реставрации одного памятника, открывающий путь к новым методам и подходам изучения коптского искусства, значение которого в истории мировой художественной культуры в целом и ближневосточной в частности еще предстоит оценить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Коптские ткани: Собрание Гос. музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина / Сост., автор вступит. ст. Р.Д. Шуринова. Л., 1967; Коковкин А.Я. Докторская диссертация «Коптские ткани: опыт символического осмысления изображений», 1996; Он же. Сокровища Коптской коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2004; посвященное столетию ГМИИ фундаментальное исследование: Лечицкая О. Коптские ткани. М., 2010.
- 2 Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Великого, Лавсаик, История монахов. М.: ЦЕИ РАН, 2012; Он же. Коптская монастырская иконография Св. Онуфрия Великого // Вестник православного Свято-Тихоновского университета. Серия 1: Богословие. Философия. № 39. 2012. С. 30–39.
- 3 Толмачева Е.Г. Копты: Египет без фараонов (Серия «Vita memoriae») М., Алетейа. 2003; Культ цапли в древнем Египте // Шеркова Т.А. (отв. ред.) Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и средневековье. Сборник, посвященный памяти Т.Н. Савельевой. М.: ЦЕИ РАН, 2009. С. 394–427; Она же. Исследование и реставрация памятников восточнохристианского искусства в Египте // Белова Г.А. (отв. ред.) Возвращение в Египет: Страницы истории российской египтологии. М., 2009. С. 140–164 (в соавт. с А.А. Горматюком).
- 4 Wijdan Ali. What is Islamic Art? Mafrag: Al al-Bayt University, 1996. P. 6.